

ВЕРБАЛЬНЫЕ СИГНАЛЫ НЕИСКРЕННОСТИ ГОВОРЯЩЕГО В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Е.Н. Бабич (Харьков)

Статья посвящена анализу неискреннего дискурса на материале дискурсем из немецкоязычной художественной литературы. Описываются вербальные сигналы неискренности говорящего, которые подразделяются на содержательные и формальные, среди последних выделяются лексические, морфологические, синтаксические, стилистические и прагматические.

Ключевые слова: вербальные сигналы неискренности, дискурс, дискурсема, лицемерие, ложь, манипуляция.

О.М. Бабич. Вербальні сигнали нещирості мовця у німецькомовному дискурсі. Стаття присвячена аналізу нещирого дискурсу на матеріалі дискурсем з німецькомовної художньої літератури. Описуються вербальні сигнали нещирості мовця, які поділяються на змістові та формальні, серед останніх виокремлюються лексичні, морфологічні, синтаксичні, стилістичні та прагматичні.

Ключові слова: вербальні сигнали нещирості, дискурс, дискурсема, лицемірство, неправда, маніпуляція.

Ye.N. Babich. Speaker's verbal signals of insincerity in German discourse. The article covers the insincerity discourse analysis based on the discourse material of German fiction literature. The verbal signals of a speaker's insincerity are explored which are subdivided into informatory and formal, with the latter being classified into morphological, syntactic, stylistic and pragmatic.

Key words: discourse, discourseme, hypocrisy, insincerity, lies, manipulation, verbal signals.

Изучение категории неискренности в языкознании связано со становлением когнитивно-коммуникативной парадигмы. На первых этапах развития антропоцентрически направленной лингвистики актуальным явилось изучение различных форм целенаправленного искажения субъектом действительности в коммуникации – лжи, обмана, манипуляции, лести, притворства, лицемерия и т.п. Однако смещение акцента на когнитивные основания коммуникативных процессов и действий влечет за собой необходимость рассмотрения этих явлений в когнитивном ракурсе. В качестве когнитивной основы любых проявлений намеренного искажения реального положения вещей в мире выступает категория неискренности говорящего, которая обуславливает реализацию неискренного дискурса. При этом не может не вызывать интерес то, каким образом данная категория проявляется в вербальном оформлении дискурса, какие особенности имеет языковое проявление неискренности.

Целью данной статьи является установление вербальных признаков неискренности говорящего в процессе реализации немецкоязычного дискурса.

В качестве объекта исследования выступают дискурсеми неискренности, анализируемая предмет выявления характерных вербальных особенностей неискренних речевых актов (далее – РА), реализуемых в немецкоязычном диалогическом дискурсе.

Материал исследования составил корпус из 1170 дискурсем неискренности, собранный методом сплошной выборки из произведений современной

художественной литературы Германии, Австрии и Швейцарии.

Дискурсема рассматривается нами вслед за Е.И. Морозовой как эпистемическая модель анализа, которая включает ядро и метаязыковое наслоение – экспликаторную часть, где высвечиваются ситуативные факторы, которые субъект рефлексии считает релевантными для интерпретации содержания [3, с. 13]. В этой модели ядром является высказывание, отражающее неискренний РА (у Е.И. Морозовой это ложное высказывание). Экспликаторная часть содержит высказывание субъекта рефлексии, который оценивает ядерное высказывание как неискреннее, им может быть адресат неискренного РА или повествователь, автор художественного произведения. Например: (1) «*Hören Sie,» sagte ich, «mich misten Sie nicht an, wer auch immer Sie sind. Ich kenne keinen Clarence Truman.*»

«*Sie lügen! Ich werde Ihnen das gleich beweisen!*» ... «*Clarence Truman. Er war eine Klasse über dir. Der Malvolio in der Aufführung. Shakespeare!*»

«*Der Clary? Himmel, den habe ich längst vergessen, aber jetzt dämmt es mir.*»

Am Telefon zu lügen ist viel leichter als von Angesicht zu Angesicht. (Plötze 1982:38)

Данная дискурсема содержит два ядерных высказывания, подчеркнутых сплошной линией: говорящий сначала утверждает, что не знаком с человеком, о котором спрашивают, но потом делает вид, что вспомнил, с одной стороны, и две экспликаторных

части, подчеркнутых пунктирной линией: в одной из них субъектом рефлексии является адресат, обвиняющий говорящего во лжи, в другой – автор романа, комментирующий ситуацию.

Мы рассматриваем дискурсеми не как фрагмент дискурса, а как фрагмент текста художественного произведения, который отражает два дискурса – разговорный диалогический дискурс персонажей и художественный дискурс. Такое понимание дискурсеми основывается на положении о двух уровнях коммуникации в художественном произведении – внутренней, горизонтальной коммуникации между персонажами, предполагающей анализ диалогического разговорного дискурса, и внешней, вертикальной коммуникации автора и читателя, на которой основана интерпретация текста произведения [1, с. 68].

Под неискренностью понимаем несоответствие реальной и выражаемой пропозициональной установки говорящего. Пропозициональная установка или репрезентационная интенция представляет собой направленность сознания человека на определенную пропозицию [1, с. 101]. Если говорящий неискренен в выражении пропозициональной установки, то нарушается условие искренности реализации речевого акта. Адресант может неискренне пообещать что-либо, попросить, выразить свои чувства и т.п.: имея определенную пропозициональную установку, адресант преследует перлокутивную цель, во-первых, скрыть от адресата эту установку, во-вторых, заставить его поверить в свою искренность при помощи выражения совершенно иной пропозициональной установки. На основании фальсификации говорящим ассертивной, воликативной или эмотивной пропозициональной установки различаем, соответственно, ассертивную, воликативную и эмотивную неискренность, на которой основываются, соответственно, неискренние РА – ложь, манипуляция и лицемерие [2].

В виду наличия у говорящего перлокутивной цели скрыть от адресата реальную пропозициональную установку выявление неискренности в дискурсе осложняется – говорящий стремится использовать те же вербальные средства, что и в случае искренности. Тем не менее, наш материал позволил выделить вербальные признаки неискренности, которые мы называем сигналами, подчеркивая их условность. Данные признаки распадаются на две группы – содержательные и формальные. Первые касаются содержания неискренних высказываний.

1. Содержательная противоречивость неискренних высказываний. В дискурсивном фрагменте (2), отвечая на уточняющие вопросы, неискренний говорящий (Янне) продолжает врать, так что ложь носит так называемый цепной характер. При этом адресат распознает ложь по явной противоречивости передаваемой информации:

(2) *Arno: In welcher Liga spielt er denn?*

Janne: Oberliga. Jaja, Oberliga.

Arno: Und wann, hat er gesagt, ist das Spiel vorbei?

Janne: Um fünf.

Arno: Tennis?

Janne: Ja.

Arno: Aber beim Tennis kann man das vorher nie wissen.

Janne: Wieso?

Arno: Weil Tennis nach Punkten gespielt wird, nicht nach Zeit. (Bieler, S. 19)

2. Чрезмерная, нарочитая точность описания событий (особенно отдаленных по времени) как следствие заучивания заранее подготовленной ложной информации либо, наоборот, отсутствие в описании не существенных подробностей и деталей. Например, сын, отвечая отцу на вопрос о футбольном матче, на котором он якобы был, не углубляется в детали игры, поскольку он их не знает:

(3) *«Wie hat Schalke gespielt?»*

Kurt Holtmann stutzte. Diese Frage hatte er nicht erwartet. Dann sagte er keck: «4:1! Ganz toll, Vater.» «Das glaube ich.» ... Hans Holtmann machte sich seine Gedanken. Warum lügt er? fragte er sich. Schalke hat 2:0 gewonnen. (Konsalik: Die schöne Ärztin, S. 23)

3. Уклонение от ответа на прямой вопрос, попытки создать впечатление, что этот вопрос не понят или «забыт», например:

(4) *«Du liebst sie?» fragt sie.*

Ich trank meinen Kaffee.

«Seit wann hast du gewusst», fragte sie, «dass ich ihre Mutter bin?»

Ich trank meinen Kaffee.

«Du weißt noch gar nicht», sage ich, «dass Joachim gestorben ist».

Ich hatte es nicht sagen wollen.

«Gestorben?» fragt sie. «Wann?» (Frisch, S. 161)

Кроме того, на разных этапах общения говорящий может давать различное объяснение одних и тех же событий, не аргументированное ничем, кроме жела-

ния обмануть, «проговариваться» в ходе общения, т. е. невольно сообщить достоверную информацию, давать неуместные неоднократные ссылки на свою добпорядочность и незаинтересованность.

Формальные сигналы неискренности говорящего в зависимости от уровня языковой системы, к которым они относятся, подразделяем на лексические, морфологические, синтаксические, стилистические и прагматические.

Лексические сигналы включают:

1. Не типичные для данного человека (с учетом уровня общего развития и образования) слова, выражения, термины и фразеологические обороты. Например, резник из следующего дискурсивного фрагмента, который, чтобы победить на выборах, начинает изображать из себя пастора, призывая людей голосовать за него:

(5) *«Ihr und beten?» explodierte der Schächter. «Glaubt ihr Narren, der Meister des Weltalls braucht eure erbärmlichen Gebete? Nein, meine Freunde, wenn ihr einmal am Tag des Gerichts vor ihm steht, gebrochen, zerschmettert wie eine weggeworfene Schüssel, wird der Herr der Welt nur eine Frage an eure Seelen stellen: «Menschensohn, für wen hast du bei den Gemeindevahlen gestimmt?»» (Kishon, S. 149)*

2. Неадекватность тональности высказывания: утрированная и нарочитая эмоциональность, выражающаяся в обилии экспрессивной лексики и междометий, либо, наоборот, схематичность, безликость и эмоциональная бледность, отсутствие экспрессивной лексики и междометий. В следующем дискурсивном фрагменте говорящий (хозяйка), притворяющаяся скорбящей, подчеркивает свою наигранную эмоциональность экспрессивной лексикой и интонацией:

(6) *Wirtin heult: Der arme Otto. Und gleich sterben. Und ich hab das so spät erfahren. Nein, warum hat er sterben müssen. Warum! Marha weint auch: Wirtin, da ist er nicht drin. Wirtin hört sofort zu heulen auf: Ja, wo ist er denn, der Otto? (Marha zeigt auf den aufgebahrten Laiper, die Wirtin geht hin und weint heftig weiter) Der arme Otto. Nein. (Sperr, S. 322)*

Морфологические сигналы неискренности сводятся к частотности в речи говорящего определенных частей речи, прежде всего, неопределенных местоимений и наречий, частиц, а также форм сослагательного наклонения глагола. В этом находит отражение

неопределенность, неконкретность неискренних высказываний, например:

(7) *«Du hast deine Geige wieder?»*

«Ja»

«Wieso? Wo kommt sie her?»

«Man hat sie gefunden.»

«Was heißt das: man hat sie gefunden? Wer ist man?»

«Ich weiß nicht, irgend jemand.»

«Moirra! Warum belügst du mich eigentlich?»

(Danella, S. 275)

К синтаксическим сигналам неискренности относятся:

1. Различные виды повторов:

(8) – *Irene, dein Kaffee wird kalt.*

– Welcher Kaffee?

– Dein Kaffee. (Unter uns, F. 2791, 3.2006)

2. Парцелляция как свидетельство неуверенности присутствия «задней мысли»:

(9) *«Was wollte der Lagerleiter, Vater?»*

... «Es geht um die Umstellung der Italiener. Klimatische Schwierigkeiten, weißt du. Auch Dr. Pillnitz hat mich darüber informiert. Einige der Leute haben Kopfschmerzen und Erbrechen. Auch die andere Ernährung...»

«Nimmst du das nicht alles ein bisschen leicht, Vater?» fragte er.

«Wieso? ... Wenn ich nach Italien reise, habe ich auch in den ersten Tagen vom Olivenöl Durchfall.»

«Die Ursache ist eine andere, Vater.» (Konsalik: Die schöne Ärztin, S. 20)

3. Неадекватность синтаксиса в речи коммуниканта: либо нарочитая усложненность, обилие придаточных предложений и синтаксических оборотов, либо, наоборот, скудность синтаксиса, проявляющаяся в преобладании односоставных, нераспространенных предложений (дискурсивный фрагмент (3)).

Стилистические сигналы неискренности сводятся к использованию таких стилистических фигур, как метафора, гипербола, эпитеты, ирония, шутка, аллегория, аллюзия и др., которые в обычной речи не свойственны говорящему. Например, Шульце, который выдает себя за бедняка, являясь на самом деле миллионером, приехал в гостиницу, где его поселили в неотапливаемую комнату причем специально, надеясь на то, что он долго не выдержит и уедет. Шульце же воспринимает все с юмором, высмеивая директора и подыгрывая ему:

(10) «Schön kalt ist es hier!»
 «Die Zentralheizung geht nur bis zum vierten Stock. Und für einen Ofen ist kein Platz.»
 «Das glaube ich gern», sagte der arme Mann.
 «Glücklicherweise hat mir der Arzt streng verboten, in geheizten Räumen zu schlafen. Ich danke Ihnen für Ihre ahnungsvolle Rücksichtnahme.»
 «Oh, bitte sehr», erwiderte Kühne und biß sich auf die Unterlippe. «Man tut, was man kann.»
 «Die übrige Zeit werde ich mich nun freilich völlig in den Gesellschaftsräumen aufhalten müssen», meinte Herr Schulze. «Denn zum Erfrieren bin ich natürlich nicht hergekommen.»
 Karl der Kühne sagte: «Sobald ein heizbares Zimmer frei wird, quartieren wir Sie um!»
 «Es hat keine Eile», meinte der arme Mann versöhnlich. «Ich liebe schiefe Wände über alles. Die Macht der Gewohnheit, verstehen Sie?» (Kästner, S. 68-69)

Прагматические сигналы неискренности касаются реализации специфических сопутствующих речевых актов:

1. беспричинное выражения недовольства жалобы на плохое самочувствие

(11) *Beamter: Liebe Hochzeitsgäste, wir haben uns hier versammelt, um eine –*
Jicky: Bitte, Jack.
Jack: Was ist, mein Kind?
Jicky: Mein Fuß. Führt mich in mein Zimmer.
Jack: Aber natürlich, Liebling. Vorsicht.
Musik. Im Zimmer.
Jicky: Du bist viel zu nett, um eine Frau geheiratet zu haben, die dich nicht liebt.
Jack: Das war also der Grund. (Johnson, S. 80)

2. Злоупотребление следующими метакоммуникативными РА:

– отражающими отсутствие у говорящего информации (*darüber will ich nicht sprechen; ich kann mich daran nicht erinnern; ich weiß sogar nicht, wie ich Ihre Frage beantworten soll*) и т. п.:

(12) «<...> Sag es mir!»
 «Ich kann nicht, Roger. Wirklich und wahrhaftig nicht. Es sind häßliche Dinge ... Dinge, die du nicht wissen und in die du nicht verwickelt werden darfst ...»
 ... «Ich bin schon darin verwickelt.» Ich beobachtete sie. «Mendoza und Luigi haben mir bereits einen Besuch abgestattet. Wusstest du das nicht?»
 «Nein!» Ich sah, daß es wahr war.

«Und zwar, während man dich von der Ranch holte.»
 «Bitte frag mich nicht.» (Rossiter, S. 64-65)

- подчеркивающими честность говорящего (*wirklich; ich schwöre; die Madonna weiß, ob ich lüge*) и т.п.:

(13) «Und danach haben Sie Gaston den Felsenweg hinabgestoßen, um ihn zu töten und um mich zu bekommen!»
 «Es war wirklich ein Unfall, glauben Sie es mir.» (Konsalik: Ich gestehe, S. 122)

Вербальные сигналы неискренности говорящего в диалогическом дискурсе функционируют в комплексе с невербальными: жестами, длительными паузами, изменением темпа речи, выдающимися его нервозность, неуверенность, напряженность и т.п.

Таким образом, анализ неискренного дискурса на материале дискурса немецкоязычной художественной литературы позволил установить вербальные сигналы неискренности говорящего, которые подразделяются на содержательные и формальные, среди последних выделяются лексические, морфологические, синтаксические, стилистические и прагматические.

Предпринятая попытка систематизации признаков, свидетельствующих о возможности присутствия неискренности говорящего в дискурсе, имеет большое практическое значение: позволяет более целенаправленно подойти к развитию коммуникативной компетентности людей, занимающихся политикой, предпринимательской деятельностью, работающих в системе государственного управления.

Перспективы исследования состоят в систематизации невербальных сигналов неискренности и в обосновании зависимости отдельных сигналов от типов реализуемых неискренних РА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі : монографія / Л.Р. Безугла – Харків : Харківський нац. ун-т імені В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с. 2. Безуглая Л.Р. Ложь как разновидность речевого акта ассертивного типа / Л.Р. Безуглая, Е.Н. Бабич // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – Вип. 609. – С. 97–100. 3. Морозова О.І. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови) : автореф. дис. на здобуття наук ступеня доктора філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.І. Морозова; Київський нац. лінгв. ун-т. – К., 2008. – 32 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Bieler M. Drei Rosen aus Papier / Manfred Bieler // Hörspiele. – Berlin : Henschel, 1964. – S. 7–39.
2. Danella U. Der Blaue Vogel : Roman / Utta Danella. – München : Deutscher Taschenbuch, 1983. – 525 S.
3. Frisch M. Homo Faber : Roman / Max Frisch. – Moskau : Raduga, 2004. – 230 S.
4. Johnson N. Wie angelt man sich einen Millioär : Roman / Nunnally Johnson. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1958. – 95 S.
5. Kästner E. Drei Männer im Schnee : Eine Erzählung / Erich Kästner. – München : Deutscher Taschenbuch, 2002. – 234 S.
6. Kishon E. Der Fuchs im Hühnerstall : Roman / Ephraim Kishon. – Frankfurt/M, Berlin, Wien : Ullstein, 1978. – 252 S.
7. Kosalik H.G. Die schöne Ärztin : Roman / Heinz G. Kosalik. – München : Goldmann, 1985. – 316 S.
8. Kosalik H.G. Ich gestehe : Roman / Heinz G. Kosalik. – München: Goldmann, 1983. – 191 S.
9. Rossiter J. Das Syndikat kennt kein Pardon : Roman / John Rossiter. – Klagenfurt : Buch und Welt, 1970. – 96 S.
10. Sperr M. Landshuter Erzählungen / Martin Sperr // Wunschkonzert. – M.: Raduga, 1983. – S. 265–330.
11. Unter uns. – Режим доступу: www.unteruns.de<http://german.imdb.com/title/tt0108977/episodes>